

СЕРГЕЙ ГАРИН

ГОРОД

Сергей Александрович Гарин

Город

Аннотация

«В зале первого класса было шумно, накурено и тесно.

Ниточка с провожающими сидела за двумя, сдвинутыми вместе, столиками, и все-таки места не хватало, и Петру Васильевичу пришлось стать за стулом Ниточки, облокотись на его высокую, резную спинку...»

Содержание

I	4
II	10
III	17
IV	19

Сергей Гарин

Город

I

В зале первого класса было шумно, накурено и тесно.

Ниточка с провожающими сидела за двумя, сдвинутыми вместе, столиками, и все-таки места не хватало, и Петру Васильевичу пришлось стать за стулом Ниточки, облокотись на его высокую, резную спинку.

Ниточка была этим очень недовольна, зная, что и Петр Васильевич лучше бы хотел сидеть с ней рядом, держать ее руку в своей руке и говорить ей о своей любви.

Но это было невозможно. Провожать приехала почти вся родня; было много посторонних, да наконец – отец с матерью ничего не знали об отношениях, которые установились между Ниточкой и Петром Васильевичем.

И Ниточка нервничала, чувствуя за своей спиной любимого человека.

Иногда она на него оглядывалась, и хотя эти мгновения были кратки, как молния, – все-таки успевала обменяться с ним многоговорящим взглядом.

Ниточка была молода – ей всего девятнадцать лет. Ее хорошенькое, смуглое личико, с правильными чертами, харак-

терными стрелками бровей и двумя ямочками на щеках, горело сейчас от внутреннего волнения. Она ехала в Петербург, на высшие курсы, о которых мечтала чуть ли не с первых классов гимназии... Было радостно сознавать, что исполняется заветная мечта, и в то же время было жутко от перспективы будущей затерянности в громадном, страшном и расплывчатом, как кошмар, большом городе... Первый звонок уже был, и до отхода поезда осталось полчаса. Ниточка сидела и слушала, что говорят ей другие, улыбалась, краснела от волнения и с нежностью смотрела на родителей. Отец – высокий, плотный старик, но еще бодрый на вид, с седыми усами и такой же квадратной бородкой – старался держать себя солидно и спокойно, как и подобает председателю окружного суда. Но в углах его губ дрожала и пряталась под усы легкая змейка волнения, а голос иногда срывался и звенела в нем чуть уловимая нотка грусти...

Мать больше молчала, но не скрывала слез... И они дрожали на покрасневших веках, как капельки росы, даже тогда, когда она принужденно улыбалась... Она сидела ближе всех к Ниточке и временами находила под столом горячую руку дочери, тихо жала ее и скорбно шептала:

– Дочурка моя... ненаглядная моя дочурка!..

Были тут кое-кто из родственников, близкие знакомые, сослуживцы отца, бывавшие у них в доме... И со всеми нужно было говорить, всем ответить – каждому улыбнуться.

– Значит, на вокзале вас встретит Саша! – сказала жена

прокурора, обращаясь к Ниточке. – Я уже отправила ему телеграмму, что вы выехали!..

Ниточка благодарно ей улыбнулась.

– Мерси!.. Но мне, право, совестно, что пришлось его беспокоить!..

– Вот глупости!.. Молодей человек!.. Пусть проедется на вокзал!.. Но только... узнаете ли вы его?..

Ниточка моментально вспомнила неуклюжую, декадентскую фигуру студента-юриста Уклонского – брата прокурорши. Припомнила его вычурные, стилизованные фразы, его странные, совсем не человеческие движения. Последний раз он приезжал два года назад, когда Ниточка была в седьмом классе гимназии и до тошноты надоел девушке своим декадентством. Но теперь пришлось пользоваться его услугами, и Ниточка ответила живо, и даже с радостью:

– О, конечно, узнаю!.. Разве можно забыть Александра Валерьяновича?!

– Кстати, он вам и номер подыщет!.. – продолжала прокурорша. – Я ему писала на днях, прося устроить вас поближе к курсам!

Ниточка снова поблагодарила ее поклоном головы.

Белокурый товарищ прокурора, делавший Ниточке прошлый год предложение и получивший отказ, смотрел сейчас на нее насмешливыми, но все еще влюбленными глазами, крутил свои пушистые усы и загадочно улыбался.

– Итак, вы нас, Анна Сергеевна, покидаете?.. – спросил

он, поправляя пенсне. – Что же... желаю вам новых, интересных знакомств!.. Они, вероятно, будут вам более по душе, чем наши... провинциальные!..

Ниточка почувствовала, как дрогнула спинка стула, около которого стоял Петр Васильевич. И хотелось крикнуть, что ей никто уже теперь не интересен, что она любит... Но желание позлить этого белокурого фата заставило ее ответить с иронией:

– Да уж, конечно, в столице люди должны быть интереснее!.. По крайней мере, здесь я что-то таких не находила!..

Товарищ прокурора густо покраснел и стал разговаривать с отцом Ниточки, а Петр Васильевич отошел от стула и тихо пошел к газетной витрине. И Ниточке стало безумно жаль его. Она встала и крикнула:

– Петр Васильевич!.. Постойте!.. я вам дам одно поручение!..

Он остановился в вопросительной позе, ожидая ее, а Ниточка быстро подошла и прошептала, сжимая ему руку:

– Ты не слушай, что я говорю!.. Я хотела позлить этого дурака!.. Я люблю тебя... только тебя!..

Она засматривала ему в лицо сквозь слезы любви и предстоящей разлуки и у нее сжималось сердце от того, что он был бледен.

А он наклонял к ней взволнованное лицо, с трясущимися губами, и говорил так, что Ниточке хотелось рыдать:

– Я умру без тебя, Ниточка!.. Я не могу без тебя жить!..

Не могу!..

– Я буду писать тебе... каждый день!.. Хочешь?..

– Ты еще спрашиваешь?

– Милый!.. Но только и ты пиши мне каждый день!.. Ну, пойдем, на нас смотрят!..

Когда она подходила к столу, все уже поднялись.

Отец Ниточки сказал:

– Через пять минут второй звонок! Пойдемте, господа, на платформу!..

У перрона тускло мигали стеклами окна вагонов, Остановились все у вагона, покрытого бледно-желтой лакированной краской, против окна купе Ниточки. Там были уже подняты спинки диванов, и купе напоминало маленький ящик с полками...

– Ты в восемь приедешь? – спросил отец.

– Да, в начале девятого!

– Ну, а теперь – около двенадцати! Ложись прямо спать и проснешься в Петербурге!..

– Я так и сделаю!

Гулко ударил два раза колокол. Стали прощаться. На мгновение замерла около лица Ниточки мать, обжигая щеки девушки слезами; дрогнули губы отца, когда к ним прильнули губы дочери...

С остальными Ниточка простилась очень быстро, и только руку Петра Васильевича слегка задержала, сжала крепко и выразительно сказала:

– Не забывайте же!.. Слышите?..

Третий звонок застал Ниточку уже на площадке... Когда поезд тронулся – провожающие несколько мгновений шли с вагоном рядом, но затем отстали и вдруг сделались смутными, убегающими в темноту, пятнами... И только белые платки матери и Петра Васильевича еще несколько мгновений пугали темную даль белыми, прыгающими точками...

В купе ехали еще три дамы. Они уже спали, но Ниточке спать не хотелось. Она вышла в коридор и стала смотреть в окно, за которым еще бежали смутные огни уходящего в ночь родного города.

Но вот пошли огороды, за ними – поля... Смешно мелькали перед глазами неуклюжие телеграфные столбы, походившие от быстроты поезда на прутья гигантской решетки. Когда въехали в лес – было жутко смотреть на плотную стену деревьев, за которыми, казалось, скрывается какая-то лесная тайна... И клубы белого дыма, сверкавшего искрами, живущими миг, ползли по канавам и висели на нижних ветвях мохнатыми, тающими хлопьями...

Поезд бежал, ритмически стучали колеса, и Ниточке сделалось грустно. Она прошла в купе, расстегнула лиф и улеглась на верхнее место. Казалось, что сон придет сейчас же. Но мысли врывались в разгоряченную голову вместе со стуком колес, быстро сменяли одна другую и отпугивали сон. И только перед рассветом Ниточка тревожно, но крепко уснула...

II

Три месяца прошли незаметно. Сначала было как-то странно чувствовать себя не дома, – окруженной новыми, совершенно чуждыми людьми. Первые дни, просыпаясь утром в своем номере, Ниточка с недоумением смотрела на полинявшие обои комнаты, на незатейливую обстановку, так мало напоминавшую ее «розовую» комнату в родном доме... Приходилось отвыкать от многого, что входило мелочами в уклад ее домашней жизни и без чего, казалось, нельзя было даже сносно существовать. Не было, например, любимого резного туалета с большим удобным зеркалом, не было маленького письменного столика и этажерки с массой дорогих, по воспоминаниям, безделушек. И Ниточка чувствовала себя глубоко несчастной, оторванной от родного берега, всеми забытой...

Было жутко первые дни выходить из дома и сразу окунаться в водоворот уличной жизни большого города. Высокие, холодные дома стояли загадочными сфинксами и давили Ниточку массивностью, вышиной и бесстрастными зеркальными окнами.

Угнетающе действовал на девушку и петербургский туман. Когда он окутывал улицы своими мертвыми, прозрачными объятиями, – жизнь казалась сплошным кошмаром, в котором бродит неясные, смутные тени, с маленькими ме-

щанскими желаниями, с мертвыми, холодными улыбками... Хотелось плакать по голубом небе, по зелени лесов и просторе полей. Но, понемногу, со всем Ниточка примирилась... Устроилась она, сравнительно, хорошо, завела знакомства и на курсах, и на стороне...

Уклонский бывал почти ежедневно. Он был все таким же безнадежным декадентом, носил какую-то странную, как мешок, одежду, длинные, похожие на лыжи, ботинки и оранжевый галстук... Ниточке он оказывал массу мелких услуг, сопровождал ее на студенческие вечера и на концерты. Обедала Ниточка в польской кухмистерской, а ужинала или дома, всухомятку, или же заходил Уклонений, и они шли в бар, где было так много огней, слышался смех, играла музыка...

Курсы Ниточка посещала аккуратно. Ей приятно было сидеть в атмосфере аудитории, копаться в физических кабинетах, работать в лаборатории. Но когда кончался день, и Ниточка приходила домой, хотелось уйти мыслями на что-нибудь другое, стряхнуть с себя одиночество. Первый месяц пребывания в Петербурге Ниточка усиленно переписывалась с родными; писала ежедневно Петру Васильевичу. Но затем все это, не то что надоело, а просто стало не о чем писать... Даже письма к Петру Васильевичу стали суше, короче, а в последних – было много вымученного...

Последние же два месяца Ниточка писала два раза в неделю, словно по обязанности. И когда садилась писать, – делала гримаску и мучительно бродила взором по комнате, при-

думывая фразы...

То же самое было и с письмами Петра Васильевича. Сначала они были на шести или более страницах, восторженные, полные любви, муки и тоски одиночества... И Ниточка читала их с захватывающим интересом, краснея от волнения. Потом в них задрожали нотки упреков, проскальзывали подозрения, даже угрозы по отношению к себе и Ниточке... Это расхолаживало девушку и она радовалась, что письма стали приходить реже и были короче. А затем сразу как-то оборвалась переписка и когда-то дорогой образ Петра Васильевича стал уплывать куда-то вдаль, как сон, виденный в детстве... Стушевались воспоминания; прекратилось желание к ним возвращаться...

Порой Ниточка недоумевала: как могла она полюбить этого ординарного человека, с его маленьким будущим учителя провинциальной гимназии и с незатейливыми претензиями на настоящее?!. А тут подвернулись новые знакомства, с новыми речами и жестами, мимо побежала ослепительно-яркая, жгучая жизнь, захлестывая своей волной и девушку... Неумолимо холодный, но загадочный великан-город, с его вечными неразгаданными, но волшебными гримасами, постепенно засасывал Ниточку в свое болото, зачаровывал ее изломами своих линий, блеском огней и морем звуков.

Как-то на одном вечере у подружки-курсистки, Ниточка познакомилась с присяжным поверенным Бравиным – красивым брюнетом лет сорока. У него были прекрасные черные

глаза, с белками, покрытыми слегка синим налетом, – бритое, как у актера, лицо и густая шевелюра. Одевался он с иголки, умел увлекательно говорить и сразу произвел на Ниточку впечатление.

Через несколько дней она встретила с ним на концерте, в консерватории. Ужасно обрадовалась, когда он к ней подошел, проболтала с ним целый вечер и позволила себя проводить.

Была холодная, осенняя ночь, когда они вышли на улицу. Морской ветер дул навстречу, срывая с Ниточки капор. Она хотела позвать извозчика, но Бравин указал на подкативший к подъезду автомобиль:

– Прошу вас!

Упругие колеса запрыгали по мостовой. Было приятно чувствовать себя в тепле, в комфортабельном автомобиле, рядом с таким красивым, слегка волнуемым, мужчиной.

Бравин взял руку Ниточки в свою холенную, словно выточенную...

– Вам не холодно, Анна Сергеевна?

Он наклонился к девушке близко-близко, обдавая ее горячим дыханием. У Ниточки закружилась голова и она поспешила выдернуть руку.

– Нет, мне очень тепло! Как хорошо ехать в автомобиле! – добавила она, закрывая глаза в сладостной истоме.

– Если позволите, – мой автомобиль к вашим услугам! Только позвоните по телефону. И через полчаса он будет у

вашего подъезда!

– Мерси!.. Я как-нибудь воспользуюсь вашей любезностью!

Приехали как-то неестественно быстро. Было жаль покидать автомобиль. У подъезда Бравин получил разрешение приехать как-нибудь с визитом.

Дня через три был праздник. У Ниточки сидел Уклонский и читал ей какие-то, уж чересчур декадентские, стихи... Девушка рассеянно слушала, думая совершенно о другом. Вошел коридорный и подал карточку. Ниточка взглянула на нее и вдруг вся зарделась.

– Просите! – сказала она и стала поправлять у зеркала прическу.

В номер вошел Бравин. Он был в сюртуке, с большой коробкой конфет в руке. Ниточка познакомила его с Уклонским; пригласила сесть. Завязался обычный, довольно скучный, разговор о погоде, о Петербурге и его злобе дня.

– А ведь я, Анна Сергеевна, за вами! – вдруг сказал Бравин. – Сегодня – на редкость хороший, осенний день... Посмотрите в окно: даже наши чахоточные петербургские дворы расцвелись солнечной улыбкой!..

Ниточка прищурилась и кивнула на студента.

– Вы составляете конкуренцию Александру Валерьяновичу! Стилизованный разговор – его привилегия!.. Что же вы от меня хотите? – спросила она, улыбаясь.

– Хочу похитить вас и вашего гостя! Проедемся по ост-

ровам, посмотрим на умирающую природу, а затем куда-нибудь заедем!

Уклонский наотрез отказался, и Ниточка с Бравиным поехали одни. По дороге Ниточка заметила:

– Даже лучше, что Уклонский не поехал! Он способен всюду внести скуку!

– Я думал, что вам будет неприятно с ним расстаться! Потому и пригласил его...

– Мне?.. Неприятно?.. Откуда вы это взяли?.. Уж не думаете ли вы, что я влюблена в него?!

– Я же вас так мало знаю!

– В такого человека я влюбиться не могу! – сказала Ниточка задумчиво. – Особенно теперь. Раньше, правда, я была не так разборчива... Но даже и тогда Уклонский не мог быть героем моего романа!

– Ну... а, например... я?..

Ниточка сбоку на него посмотрела.

– Вы?.. Пожалуй!..

Он ответил долгим, благодарным взглядом и нежно поцеловал ее руку. И когда его сочные, красные губы прикоснулись к розоватой коже девушки. Ниточке показалось, что к плечу побежала искра неведомого огня, способного зажечь в ее душе огромный костер страсти. Ниточка побледнела и умоляюще посмотрела на Бравина.

– Ах, не надо!.. Прошу вас... не надо!

Огромное, красное солнце умирало в этот день как-то

особенно красиво. Оно бросало последние, желтые лучи и на темневшую воду, и на розовевшие листья приготовившихся к зиме деревьев... Было скорбно смотреть на это прощание светила с поблекшей природой... Оно было трогательно и нежно, как поцелуй умирающей подруги, благодарившей за короткие, но жгучие минуты счастья... Иссиня-прозрачный воздух таил уже дыхание зимы и холодная роса пала на пожелтевшие травы... Но не сверкала алмазами, как летом, а блестела тяжелой, мертвой слезой...

III

С этого дня Бравин стал бывать у Ниточки ежедневно. Обыкновенно он приезжал около пяти вечера, когда девушка возвращалась с курсов, и они ехали в ресторан, где обедали, после чего проводили остаток дня или у Ниточки в номере, или же в театре и на концертах.

Быстро таяли дни. Надвигалось Рождество, но Ниточка и не думала о поездке домой. Она жила, как во сне, проводя свободное время в удовольствиях, которые сменялись пестрой лентой кинематографа...

Ниточка переживала теперь новое, охватившее ее, чувство к Бравину, знала, что и он ее любит, была очень счастлива и мало думала о родном городе. Домой она написала, что приедет, вероятно, к Пасхе. Мать попеняла в письме, но особенно не настаивала, раз Ниточка пишет, что ей нужно заниматься.

Теперь и письма из дому не волновали Ниточку. Она аккуратно их прочитывала, но, когда читала, они казались ей такими далекими и чуждыми. Будто стена какая-то встала между девушкой и ее родным домом. И не стремилось к нему сердце.

И только в начале декабря одно письмо матери принесло с собой волну неприятных воспоминаний. Мать писала, между прочим, что Петр Васильевич у них уже не бывает и что,

по слухам, он, после Рождества, женится на дочери местного протопопа...

Ниточке стало больно. Будто ударил ее Петр Васильевич бичом по обнаженному телу... И, словно наяву, встали перед девушкой далекие картины; встали в памяти ласковые речи, клятвы и поцелуи...

– Боже... какой негодяй!.. – прошептали побелевшие губы.

Но вспомнила про Бравина и успокоилась. И когда приходилось думать о Петре Васильевиче, – думала о нем уже с презрительной гримаской...

IV

На улицах таяло; в воздухе пахло весной. Ниточка собиралась на Пасху домой, как вдруг с ней случилось то, что сразу отодвинуло опять и поездку, да и, вообще, многое...

Как это случилось, она не отдавала себе отчета... Надвинулось что-то неотвратимое, как смерть, сильное, как стихия, опьянившее ей голову, лишившее воли... Помогли тут, конечно, и бокал выпитого не вовремя шампанского, и близость любимого человека, и отдельный кабинет загородного ресторана.

Но когда хмель счастья исчез и Ниточка осталась одна в своем номере – с ужасом случившегося и с целой горой кошмарных мыслей, – жизнь показалась большой, безлюдной равниной, по которой нужно идти одной, со своими мыслями, страданиями и сомнениями. Ниточке сделалось жутко и всю ночь она проплакала.

Бравин продолжал бывать каждый день, уверяя девушку в своей неизменной любви, и уже требовал ласк, как должную дань от принадлежащей ему женщины. Но о женитьбе он не говорил ни слова, и Ниточку это очень удивляло. Начинать же самой об этом разговор не позволяло самолюбие. И девушка все ждала, что Бравин первый об этом заговорит.

В Страстную субботу, вечером, она ждала его, чтобы вместе ехать к заутрени. Так было условлено еще на днях. Но

приближалась ночь, а Бравина все не было... Ниточка – в изящном белом платье с лентами, причесанная по-модному – ходила, нервничая, по номеру и каждую минуту поглядывала на часы. Наконец, около одиннадцати, Бравин приехал. Он был во фраке, надушен и причесан. Вошел с каким-то странным, расстроенным лицом.

– Что с тобой, милый? – спросила она, кладя ему на плечи руки. – Ты чем-нибудь недоволен?

Он поморщился.

– Маленькая неприятность... – он замялся. – Видишь ли... я не могу с тобой ехать к заутрени!..

– Почему?..

– Потому... потому... Жена настаивает, чтобы я ехал с ней!..

Ниточка отшатнулась и посмотрела на него безумными глазами. Она не знала, что Бравин женат. И показалось ей, что летит она в бездонную пропасть.

– Как? – прошептала она. – Ты... женат?..

Он постарался сделать удивленное лицо.

– Разве... ты этого не знала?!.

Ниточка добрела до кресла и упала в него в изнеможении. Что-то оборвалось внутри, и вся жизнь сделалась безразличной.

– Ты никогда не говорил мне об этом!

Он пожал плечами.

– Ты никогда меня об этом не спрашивала!

Девушка закрыла лицо руками, а он подошел, опустился на колени и стал утешать:

– Ну, полно, Ниточка!.. Прости меня... да... я негодяй... я скрыл от тебя это!.. Но я так люблю тебя!.. Ну, мало ли что в жизни бывает?!.. Будем жить так, как живут многие!..

И вдруг она охватила его шею руками, прижалась к нему и с тревогой, сквозь слезы, заглянула ему в лицо:

– Но ты... не бросишь меня?!.. Ты же разведешься с женой?!.. Женишься на мне?!..

Бравин тихо снял ее руки, встал и отошел на несколько шагов.

– Я не могу этого сделать, Ниточка! – сказал он, отвертываясь, хрустнув пальцами.

Ниточка вскочила.

– Не можешь?..

– Да!.. Жена не даст развода! Наконец: у нас... дети!..

Девушка иронически прищурилась.

– Ах, так?!.. Значит, вы хотите сделать из меня простую... любовницу?!.. Ну, нет... это вам не удастся!..

Бравин сделал шаг вперед.

– Ниточка! Умоляю тебя!..

Она быстро скользнула по нем взглядом. Посреди комнаты стоял немного растерянный, упитанный самец, с плодоядными, красиво-хищными глазами. И он стал ей противен...

– Ступайте вон!.. Слышите?.. Сию минуту, чтобы вас не было!..

Он побледнел, метнулся в сторону, как-то съежился и медленно, словно побитая собака, пошел к двери... А Ниточка упала опять в кресло и смотрела ему вслед с застывшей, каменной улыбкой...

За окном падал последний, непрочный снег... Белые, пушистые цветы, нежные, как утренний сон, и чистые, как первая греза любви, устлали липкую истоптанную землю, смешивались с ее грязью и обращались сами сейчас же в мутные, расплывчатые пятна... И медленно, как похоронные дроги, тащились над городом зловещие, свинцовые тучи...

А великан-город кидал в них злорадно темные клубы дыма, и его нахальные, обманчивые огни подмигивали насто-рожившимся домам и улыбались улицам гримасой, полной порока, безумия и ужаса...